

Священство выше царства.

Взглядь Никона на священство какъ высшее царства по самому своему существу и происхожденію. Священство настолькоъ выше царства, насколько небо отъ земли—архіерей равночестенъ самому Богу Патриархъ есть единственный верховный управитель всей церкви, совершенно независимый отъ царя и, въ то же время, онъ есть высшій контролеръ всей жизни государственной и общественной. По заявленію Никона царь Алексѣй Михайловичъ всячески гонитъ и преслѣдуетъ Никона, всѣхъ архіереевъ и духовныхъ, онъ ограбилъ русскую церковь, овладѣлъ и распоряжается всѣмъ церковнымъ, угнетаетъ и разоряетъ весь народъ. Нападки Никона на Уложение и его составителя боярина Одоевского Предложение духовнымъ отвергнуть Уложение и не признавать надъ собою мірскаго суда. Отрицательное отношеніе Никона къ тогдашней русской церковной іерархіи и самой русской церкви и признаніе имъ наступленія времени антихриста. Общія замѣчанія о борьбѣ Никона съ царскою властью.

Царь Алексѣй Михайловичъ имѣлъ самое высокое представленіе о своей царской власти, о своемъ царскомъ достоинствѣ, считалъ себя прямымъ отображеніемъ на землѣ Царя небеснаго, отъ котораго онъ отличается только тѣмъ, что онъ, въ противоположность Царю небесному, есть *тлѣнный царь*; онъ признавалъ себя намѣстникомъ самого Бога на землѣ, призваннымъ Господомъ управлять не только дѣлами государства, но и заботиться о всѣхъ дѣлахъ вѣры и благочестія, наблюдать за правильнымъ ходомъ и направленіемъ всѣхъ вообще церковныхъ дѣлъ, которыя обязательно должны находиться подъ его высшимъ царственнымъ водительствомъ и руководствомъ. Поэтому Алексѣй Михайловичъ, признавъ за Никономъ титулъ великаго государя, вовсе не думалъ этимъ отказываться отъ какихъ-либо верховныхъ своихъ правъ въ церкви, а тѣмъ болѣе въ госу-

дарствѣ, въ пользу патріарха, вовсе не думалъ признавать его дѣйствительно равноправнымъ себѣ,—настоящимъ дѣйствительнымъ государемъ, который имѣетъ право высшаго, хотя бы и духовно-церковнаго контроля надъ самою царскою властію, можетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, выражать ей порицанія, не соглашаться съ нею и даже налагать свое veto на нѣкоторыя ея распоряженія. Алексѣй Михайловичъ могъ Никона, какъ своего „собиннаго друга“, по особому довѣрію и расположенію къ нему лично, надѣлать особыми исключительными правами, но онъ вовсе не думалъ усвоить этихъ правъ Никону, какъ законной принадлежности его патріаршаго сана. Никонъ же смотрѣлъ на дѣло совершенно иначе. Коренная ошибка Никона въ томъ именно и заключалась, что онъ свое особое, исключительное положеніе въ государствѣ, созданное юношескимъ увлеченіемъ очень молодого и очень благочестиваго царя, принялъ какъ законно принадлежащее его патріаршескому сану, какъ законное и неотъемлемое его патріаршее право. Никонъ не понималъ, что его положеніе великаго государя въ дѣйствительности не имѣетъ подъ собою никакой иной реальной и законной почвы, кромѣ увлеченія и каприза молодого царя, что при малѣйшемъ неудовольствіи на него царя, его исключительно высокое положеніе въ государствѣ неминуемо должно кончиться, что онъ, въ существѣ дѣла, только обыкновенный случайный временщикъ,—не болѣе. Никонъ всегда долженъ былъ понимать и хорошо помнить, что его близкія личныя отношенія къ царю, на которыхъ исключительно покоилось все его положеніе въ государствѣ, могутъ измениться, почему ему нужно было вести себя въ высшей степени осторожно, сдержанно, тактично, не давая чувствовать другимъ своей особой силы и власти. Между тѣмъ, какъ мы видѣли, Никонъ дѣйствовалъ совершенно наоборотъ. Своимъ надменнымъ, властнымъ поведеніемъ онъ оскорблялъ бояръ, архіереевъ и всѣхъ; пользуясь своимъ подавляющимъ вліяніемъ на царя, онъ не желалъ уступать и ему. требовалъ и отъ него подчиненія себѣ. Это необходимо повело къ тому, что когда въ представленіи Алексѣя Михайловича идеализированный имъ ранѣе Никонъ, созданный его юношескимъ воображеніемъ, замѣнился потомъ мало симпатичнымъ, настоящимъ реальнымъ Никономъ, онъ

сильно охладѣлъ къ предмету своихъ юношескихъ увлеченій и сталъ измѣнять свои сердечныя близкія отношенія къ нему на болѣе холодныя и сдержанныя. Естественно, что бояре, и всѣ другіе противники Никона, всячески постарались усилить и укрѣпить эти новыя отношенія царя къ его прежнему любимцу. Никонъ замѣтилъ перемѣну къ нему въ отношеніяхъ царя. Но вмѣсто того, чтобы постараться смягчить появившуюся въ отношеніи къ нему холодность царя уступчивостью, сдержанностію и тактичнымъ истинно-архипастырскимъ поведеніемъ, Никонъ воспылалъ великимъ гнѣвомъ на царя, увидѣлъ въ его охлажденіи измѣну ему—Никону и рѣшилъ отомстить царю. Никонъ былъ такъ болѣзненно самолюбивъ, такъ высоко ставилъ и цѣнилъ себя, такъ былъ избалованъ всегдашнимъ вниманіемъ и предупредительностію къ нему царя, немедленно исполнявшаго всякія его требованія, что когда Хитрово ударилъ его человѣка, а царь не поспѣшилъ сейчасъ же удовлетворить жалобу Никона, онъ счелъ себя кровно обиженнымъ царемъ, и чтобы сильнѣе и больнѣе дать ему почувствовать свою обиду, рѣшилъ неожиданно оставить публично патріаршій престолъ въ увѣренности, что царь никакъ не рѣшится разстаться съ нимъ и онъ такимъ смѣлымъ и шумливымъ шагомъ только возстановитъ въ прежнемъ блескѣ свои пошатнувшіяся близкія отношенія къ царю. Но Никонъ ошибся въ своихъ расчетахъ. Царь вовсе не думалъ снова возвращать его на патріаршую кафедру и, не смотря на всѣ старанія Никона, болѣе не хотѣлъ имѣть его патріархомъ. Тогда обманувшійся и крайне раздраженный своимъ пораженіемъ Никонъ, рѣшилъ доказать всѣмъ, что то особо высокое положеніе, какое онъ занималъ, будучи патріархомъ, вовсе не было слѣдствіемъ какой-то милости и расположенія царя, но простымъ естественнымъ выраженіемъ того положенія, какое патріархъ всегда долженъ занимать въ церкви и государствѣ на основаніи ученія самого Христа, на основаніи правилъ св. апостоловъ, св. отцовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, а также благочестивыхъ греческихъ царей, и что къ этому положенію патріарха милость и немилость царя не имѣютъ никакого отношенія. Словомъ, Никонъ, ранѣе пользовавшійся своимъ особымъ положеніемъ чисто фактически и ранѣе вовсе не думавшій о какомъ либо его

юридическомъ обоснованіи и оправданіи, рѣшили, послѣ оставленія имъ патріаршей кафедры, подвести подъ свое великое государственіе теоретически-правовую основу, доказать его правильность и необходимость, какъ явленія вполне законнаго и истинно-христіанскаго.

Свои воззрѣнія на отношеніе царства и священства Никонъ, послѣ оставленія имъ патріаршей кафедры, выразилъ по преимуществу въ своемъ обширномъ сочиненіи подъ заглавіемъ: „Возраженіе или разореніе смиреннаго Никона, Божіею милостію патріарха, противо вопросовъ боярина Симеона Стрешнева, еже написа газскому митрополиту Паисію Лигарядіусу и на отвѣты Паисеовы“. Приводимъ изъ этого сочиненія рядъ выдержекъ, которыя вполне выясняютъ взглядъ Никона на интересующій насъ вопросъ.

„Хощеши ли навькнути, говоритъ Никонъ, имѣя въ виду Паисія Лигарида, яко священство и самаго царства честнѣйшии и большіи есть начальство, и да не багряницу речеши ми, ниже діадиму, ниже ризы златы—сѣнь бо все она и весныхъ цвѣтовъ худѣйша: всяка бо слава человѣчья, рече, яко цвѣтъ травный, аще и самую речеши царскую багряницу, не убо ми сія глаголи. Но аща хощеши іерейское ко царю разнство видѣти, яже комуждо данныя власти, истязуй, и множаѣ отъ царя высочайше узрѣши іереа сѣдяща. Аще бо и честенъ вамъ престолъ царскій является отъ приложныхъ ему каменій и обдержаша и злата, долженъ есть судитися яко царь, но обаче яже на земли получилъ есть строительствовати, и множаѣ сія власти не имать ничтоже. Священства же престолъ на небеси посаженъ есть: кто си глаголетъ?—самъ небесный Царь: елика бо аще свяжете на земли, будутъ связаны на небесѣхъ,—что сея равно убо будетъ чести?—отъ земли начало суда приемлетъ небо: понеже судія на земли осудитъ, владыка бо послѣдуетъ рабу, и яже убо сей осудитъ, сія Онъ горѣ утверждаетъ, и между Бога и человѣческаго естества стоитъ священникъ, яже отнюду чести сводя къ намъ, яже отъ насъ мольбы возводя, тамо гнѣвающася, того ко общему примиривая естеству приразившаяся, насъ исхищая отъ того руку. Сего ради и царіе помазуются отъ священническую руку, а не священники отъ царствія руки, и самую царскую главу подъ священниковы руцѣ принося полагаетъ Богъ, наказуя насъ, яко сей она

больши есть властникъ, меньшее бо отъ большаго благословляется. Христось глаголетъ: дадеся имъ всяка власть на небеси и на земли оставляти грѣхи; и паки рече: его же свяжеша на земли, будетъ связанъ на небеси,—кому же таковая власть дана есть? Слышалъ еси: яко святымъ апостоламъ и, по нихъ, преемникомъ тѣхъ,—архіереомъ, а не царемъ. Царь здѣшнимъ вѣренъ есть, а азъ небеснымъ; царь тѣлесѣмъ вѣряемъ есть, іерей же душамъ; царь долги имѣніямъ оставляетъ, священникъ же долги согрѣшеніямъ; онъ принуждаетъ, а сей и утѣшаетъ; онъ нужею, сей же совѣтомъ; онъ оружія чувствена имать, а сей духовная; онъ брань имать къ сопостатамъ, сей же къ началомъ и міродержателямъ тмы вѣка сего, и сего ради: *священство царства преболѣ есть*“. Указывая на гибель Дафана, Авирона и Корея, хотѣвшихъ восхитить священническія права Аарона, и затѣмъ на отверженіе Богомъ царя Саула, Никонъ обращается къ Лигариду: „видѣши, отвѣтотворче, глаголь Божій, а не чловѣчь: яко властелина тя поставихъ (слова Самуила къ Саулу отъ лица Божія) хоругви колѣна израилева, а не жертвы и всеожженія приносить, являя: *яко священство болши есть царства,* и еже пожелалъ (Сауль) большее (священства), сущее свое погубилъ. Но мы уже выше сихъ написали, яко священство болѣе есть царства, *почто предваряши царствомъ (священство)?* Увѣждь изъ вышписанныхъ, яко и царіе предпочитали священство, горѣ сидящее на небеси. Но понимаше-ли хотящихъ обезчестить священство Дафана и Авирона, что случися тѣмъ? и паки: Сауль и Озія, паче достоянія своего поискавше, и еже имѣвше, погубиша. Како убо глаголеши совопросниче, яко царь вручилъ Никону досматривать всякихъ судебъ церковныхъ, не виде въ вышписанныхъ, яко не отъ царей начальство священства приемотся, но отъ священства на царство помазуются, тѣмъ же явлено есть множество, *яко священство царства преболѣе есть.* Хочеша-ли истину навъкнуги, яко и самъ той діадемой украшаяйся, священнической власти повиненъ, и его (царя) кто свяжетъ по правдѣ на земли, будетъ связанъ на небеси. А его же царь свяжетъ временно, или убіетъ, имать о семъ отвѣтъ предъ Господомъ Богомъ, который научилъ не бояться отъ убивающихъ тѣло, душу же не могущихъ убити; но бояться подобаетъ могущаго душу и тѣло погубити въ геенѣ огнен-

нѣи. Что есть благотвореніе государево? Се ли есть, аще восхити на себя чинъ священства, ино бо есть священства чинъ и ино царства, яко же выше писахомъ много, но и нынѣ еще глаголемъ, *яко священство болю есть царства: священство отъ Бога есть, отъ священства же царства помазаніе* ¹⁾.

Затѣмъ Никонъ подробно говоритъ объ учрежденіи ветхозавѣтнаго священства и потомъ новозавѣтнаго, о распространении по разнымъ странамъ христіанства, вмѣстѣ съ которымъ всюду распространялась и церковная іерархія, рассказываетъ какъ она возникла на Руси, и изъ всего имъ сказаннаго дѣлаетъ такое заключеніе, „что священство не отъ человѣкъ, ни человѣкомъ, но отъ самого Бога, и древнее и нынѣшнее, а не отъ царей, *но паче отъ священства царство произыде и нынѣ есть, яко жъ уставъ царскаго поставленія свидѣтельствуеть. Священство всюду пречестнѣйше есть царства, якоже выше назнаменахъ отъ божественнаго писанія, и нынѣ паки речемъ: царство аще и отъ Бога дается въ мѣръ, но во гнѣвъ Божіи и чрезъ священство помазуется чувственнымъ елеомъ, священства же помазаніе св. Духомъ непосредственнѣ. Коликія дарованія архіереи имуть отъ благодати св. Духа, священное слово показа, яко архіереи подобники Божія. Почто Божіихъ подобниковъ порицаеши, и на величествіи Божія престола сидящихъ унижаеши, и пастыря словеснымъ овцамъ отбѣгаеши, наставника слѣпымъ—отреваеши? Власть священства толико гражданскія лучши есть, елико земли небо, паче же много вяще: наше бо, рече. житіе на небесѣхъ и животь нашъ тамо сокровенъ со духомъ въ Бозѣ, и почести тамо и теченіе о сущихъ тамо вѣнцѣхъ, ниже бо раззоряется по скончаніи сей животь, но тогда сіяеть больше. Сего ради не точію князей и мѣстныхъ, но и саміихъ, иже диадимомъ обложенныхъ, большую пріяша честь. и мущія сію власть аки въ большихъ и надъ большими претворяюще человѣки... Яко же капля дождя отъ великія тучи, то есть земля отъ небеси мѣрится, тако и царство меньшится отъ священства.. Ты, лицемѣре, како глаголеши чрезъ Божія заповѣди: почитати (царю) и не почитати (Никона и архіереевъ вообще) на воли есть царевѣ,—гдѣ есть то пи-*

¹⁾ Рукопись нашей академіи № 218, л. л. 142 об—144, 182, 206.

сано? Новозаконіе бѣсовское вводиши, а не отъ закона Божія. *Господь равночестна себѣ архіерея почти* глаголя: слушающая васъ, мене слушаетъ, и отменяйся васъ, мене отменяется. Ты, малоумный, Божію благодать хулиши, данную намъ св. Духомъ, и низводиши насъ покарятися царемъ, яко же и Новохудоносору и образу златому“. Никонъ, посланнымъ къ нему отъ царя въ Воскресенскій монастырь, говорилъ: „да почто самъ царь поповы руки цѣлуесть, которые нами посвящены, и, ко благословенію приходя, и самъ главу свою преклоняесть; и мы тому чудимся, почто царь архіереомъ и ереомъ нудить руки своя цѣловать, не суть архіерей, ни іерей. Аще и ему, государю, *за премногую его гордость мнится священство мекши царства*, познаесть тогда различіе царства и священства, егда познани будемъ отъ величественнаго судіи, Христа и Бога нашего“. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ государю Никонъ пишетъ: „откуда ты такое дерзновеніе пріялъ, еже сыскивати о насъ и судити насъ? Которые жъ тебѣ законы Божія велятъ обладати нами, божіими рабы? Недовольно ли ти бысть царствія міра сего люди разсуждати въ правду и не о семъ прилежиши; а еже повелѣніе твое, написанное въ наказѣ, взяты крестьянъ Воскресенскаго монастыря, по какимъ то уставамъ? Надѣюсь, аще и поищещи, не обрящещи, развѣ беззаконія и писанія? Послушай же Господа ради, что бысть древле за такое продерззаніе... Горе тѣмъ, иже по убіеніи имуть быть ввержени въ дебрь огненную; того боятися надобно, иже нынѣ славою міра сего превозносятся и гордятся, *аки безсмертни и аки боги славятся отъ человекъ безумныхъ*, въ сладость пріемлютъ таковыя безумныя глаголы: *ты Богъ земной*. Насъ же священное писаніе учитъ: Богъ нашъ на небеси и на земли вся, елико восхотѣ, сотвори. Таковыми безумными глаголы Новохудоносоръ, царь вавилонскій, усладився царства лишился“ ¹⁾).

Никонъ проводитъ ту характерную для его возрѣвній мысль, что царства процвѣтають и стоятъ твердо только до тѣхъ поръ, пока въ нихъ почитается архіерейство. Какъ же скоро архіереевъ начинаютъ не почитать, то съ государствами происходятъ страшныя катастрофы и, въ концѣ, если

¹⁾ *ibid.* л. 213—215 Зап. рус археол. общ. II, 542—543

государство не исправится въ этомъ отношеніи, оно окончателно погибаетъ, какъ это показываетъ примѣръ Греціи, какъ этому учить и наша собственная исторія, когда у насъ низвели патріарха Іова и еще при его жизни незаконно поставили новаго патріарха—Гермогена, вслѣдствіе чего наступило у насъ страшное смутное время, едва окончательно не сгубившее московское царство. Это происходитъ потому, что по представленію Никона все христіанство, вся Христова церковь заключается собственно въ высокочтимомъ и всѣми, особенно царствомъ, ублажаемомъ архіерействѣ и, по преимуществу, въ патріархѣ—отцѣ и начальникѣ самихъ архіереевъ, такъ какъ патріархъ есть живой и одушевленный образъ Христа. Само собою понятно, что такъ высоко самимъ Богомъ поставленное священство, а тѣмъ болѣе глава священства—патріархъ, никакъ не можетъ быть подчинено царству, а только Богу и божественнымъ законамъ. Послѣдніе, какъ Божественные, святы, неизмѣнны, вѣчны, обязательны для всѣхъ и вовсе не зависятъ отъ царства и потому: передѣлывать, измѣнять, въ чемъ либо нарушать ихъ и отступать отъ нихъ царство не можетъ, оно должно имѣ, и ихъ представителю и охранителю—патріарху, подчиняться безусловно, такъ какъ противленіе имъ есть противленіе волѣ Божіей, великое нечестіе, величайшее зло, влекущее за собою гибель самаго государства. Патріархъ, какъ высшій представитель и охранитель всего божественнаго не только въ церкви, но и въ государствѣ, есть, поэтому, обязательный контролеръ и всей государственной жизни, правильное, нормальное теченіе которой всегда зависитъ отъ проникновенія ея и вѣрнаго соблюденія въ ней божественныхъ законовъ. Поэтому, патріарху обличать царя по правдѣ, досаждать ему изъ за правды, всегда слѣдуетъ, такъ какъ, говоритъ Никонъ, „по правдѣ кто обличаетъ царя, нѣсть муки достоинъ... Многъ ликъ у Господа собранъ зло пострадавшихъ обличенія ради неподобныхъ дѣлъ царскихъ“. ¹⁾ П Никонъ, какъ высшій охранитель божественныхъ законовъ, какъ правомочный контролеръ всей государственной жизни, поскольку она является согласною или несогласною съ божественными законами, какъ поставленный самимъ Богомъ

¹⁾ Акад рукоп. № 218, л 183. Гиб. II, 587

безстрашный обличитель неправдъ „и неподобныхъ дѣлъ царскихъ“, обращаетъ свое вниманіе на положеніе тогдашней церковной и государственной жизни, особенно съ точки зрѣнія ихъ взаимныхъ отношеній, и разсматриваетъ, насколько онѣ были вѣрны божественнымъ законамъ и велѣніямъ. Это разсмотрѣніе приводитъ его къ самымъ печальнымъ и неутѣшительнымъ выводамъ.

Прежде всего Никонъ заявляетъ, что онъ потому именно оставилъ патріаршій престолъ, что государь пересталъ повиноваться церкви и сталъ несправедливъ къ ея представителю—Никону, котораго онъ теперь всячески гонить и преслѣдуетъ. „Елико онъ, великій государь царь, пишетъ Никонъ, поелико возможно пребывалъ въ своемъ обѣщаніи, повинуюся святѣй церкви, и мы терпѣли; егда же онъ, великій государь, измѣнился отъ своего обѣщанія и на насъ гнѣвъ положилъ несправедно, яко же вѣсть Господь, и мы, помня свое обѣщаніе о сохраненіи заповѣдей Божіихъ“, оставили престолъ патріаршій съ тѣмъ, „пустъ ему, государю, просторнѣе безъ меня (будетъ), а то, на меня гнѣваясь, къ церкви не ходитъ... А всесвятѣй величѣй церкви обидь много стало, и божественныхъ заповѣдей Христовыхъ и св. апостолъ и св. отецъ правилъ, какъ обѣщаль (царь) на нашемъ поставленіи, не почалъ соблюдать. А мы, на избраніи своего патріаршества, и сами обѣщали, съ клятвою и съ подписаніемъ руки своея, Божія заповѣди и св. апостолъ и св. отецъ хранити“.

И послѣ оставленія Никономъ патріаршей каеэдры царь однако продолжалъ всячески преслѣдовать его. Никонъ пишетъ: „зриши-ли коликъ подвигъ, коликое тщаніе показываетъ отъ великаго гнѣва на мя царь: кто-бы какову лжу не сказалъ кто, самъ, чрезъ вся святыя Божія заповѣди и апостольскія и отеческія правила, по всей Россіи сыскиваетъ съ большимъ страхомъ и прещеніемъ о невѣдомыхъ нашихъ, и бысть самъ судія и истецъ, весь на себя судъ и отправленіе христіанское взять. Глаголетъ царь, что мы ево (Никона) не гонили съ престола,—но яко же тогда, егда за свидѣтельствовавъ предъ Богомъ и Отцемъ и Господомъ нашимъ и святымъ и животворящимъ Духомъ о неправдахъ его государевыхъ и о напрасномъ гнѣвѣ невинно на мя во святѣй величѣй церкви, и стъ тѣхъ временъ не престая

гонить; ему кажется легко, что волю далъ всякому неправеднику злословити, елико кто хошетъ и умѣетъ, а намъ же отъ злодѣевъ смерть приходитъ... что же больше гоненія сего, еже всѣхъ архіереовъ, архимандритовъ и игуменовъ создавъ по нашемъ отхожденіи, самъ и гонителю и истецъ бысть; все, елико ему, государю годно, собравъ написа, сказки готовыя присла на соборъ и всѣхъ своею милостію и жалованьемъ, иныхъ же страхомъ, всѣхъ къ своему государеву хотѣнію принуди, ихже души согрѣшившія, възъщеть на немъ Господь Богъ. И потомъ, кто о чемъ ложно не побьетъ челомъ, все съ выговоры государь посылаетъ, аки ко осужденному, своихъ государевыхъ думныхъ, и ко всѣмъ велитъ понужди самому въ судъ приходи о всякихъ дѣлахъ случившихся, чево и надъ попомъ не предстоитъ дѣлать. И елицы добрыя боголюбцы посѣщали насъ бѣдности нашей Бога ради, или которыя добрыя люди, видя наше бѣдное житіе, попечалится или поскорбитъ словомъ, а ему, великому государю, вѣдомо учинится, тѣхъ всѣхъ—овѣхъ въ заточеніе посла, овѣхъ иними страхи обложи и прещенми лютыми, а царское дѣло таково, аще и надъ единымъ человѣкомъ что сотворитъ, всѣ того ради устрашатся“. Преслѣдуя Никона, царь оказывается крайне неблагодарнымъ къ нему. „Воспомянулъ бы, государь, пишетъ Никонъ, и нашу къ нимъ, государемъ работу, и молитвы и слезы, яко же есть вѣдомо имъ, государемъ, по два моря, и превративъ свое къ намъ немилосердіе въ прежнюю любовь, и иже совѣтующимъ на мя злое, сотворилъ бы яко же и Аману... Намъ царское величество за многія наши труды малое нѣкое подаваніе даде,—*недостойно его подаваніе нашихъ трудовъ и болѣзней!* Но и се мы у себя ничтоже удержажомъ къ своимъ прихотѣмъ, но все Господеви возложимъ, яко свидѣтельствуютъ вещи“. Причина гоненій на Никона и ненависти къ нему царя заключается въ томъ, что „*государь восхитилъ церковь и достояніе ея все въ свою область беззаконно,* того ради и насъ ненавидитъ, яко же прелюбодѣй никогда можетъ любить законнаго мужа, но присно помышляетъ о немъ злое“¹⁾.

Царь гонить и преслѣдуетъ не только Никона, но и дру-

¹⁾ Акад. рукоп. № 218, л. л. 128 аб, 136 аб. 137, 184.

гихъ архіереевъ и всѣхъ вообще духовныхъ, надъ которыми онъ незаконно присвоилъ себѣ право ставить ихъ, судить, облагать данями, такъ что царь обладаетъ теперь и править всѣмъ церковнымъ, всею церковію. Въ виду этого Никонъ пишетъ. „аще бы кто видѣлъ царя въ царскихъ священствую—литургію служа, или иная священству достойная творя, кто бы то могъ глаголати, яко и въ правду достойно есть, аще неизумленный умомъ: како же ты глаголеши, отвѣтотворче, яко радѣніе царю есть радѣніе церковное? Егда глава есть церкви царь? Ни, но глава есть Христосъ, яко же пишетъ апостолъ. Царь не есть, ни быти можетъ глава церкви, но яко единъ отъ удъ, и сего ради ничтоже можетъ дѣйствовати во церкви, ниже послѣдняго чтеца чинъ. А что нынѣ чрезъ волю Божию дѣйствуетъ, насильствомъ церкви Божіи насильствуетъ, и вся, яже ихъ, отъемлетъ, архіереевъ, архимандритовъ, и весь священный чинъ судить, имать самъ судимъ быти отъ нелицемѣрнаго судіи Христа. Гдѣ есть Христово слово, да власть имать надъ церковію?.. Дивно есть како человѣколюбіе Божіе терпѣть, еже нынѣ не точію самъ царь самъ святительства на ся воспринялъ, но и вси, во власти его сущіи, то творять.. Азъ предъ Богомъ о семъ извѣтъ творя во святѣй церкви, яко много любодѣйства царь, яко же и нынѣ отъ всѣхъ видится, како любодѣйствуетъ святою церковію, всѣми церковными уставы и вещми... *Православніи царіе священство предпочитали паче царства, а не какъ нынѣ,* еже въ лицо намъ говорятъ, понося: царь-де единъ великъ, а васъ де много: не тотъ-де патріархъ,—ино чернцовъ много у государя, а чернцы — раби Божіи и богомольцы царскіи, а не раби, еже нынѣ архіереи и монастыри принуждены царскимъ величествомъ во все злое мірское дѣло и тягло и воинствовать яко и простымъ человѣкомъ... Царь церковію обладаетъ, священными вещами богатится и питается, славится въ нихъ, яко вси церковницы: митрополиты, архіепископы и епископы, священницы и всѣ причетницы покоряются, работаютъ, оброки даютъ, воюють,—судомъ, пошлинами владѣють... Глаголеши, совопросниче, яко тишайшій государь нашъ и всесчастливый царь вручилъ Никону, чтобъ досматривалъ всякихъ судебъ церковныхъ: вручилъ Никону не царь досматривати судебъ церковныхъ, вручила Никону

благодать св. Духа, но царь тую уничижи и св. Духа благодать обезчести и немощну ту сотвори, яко безъ царскаго указу не можетъ быть нынѣ поставленъ есть сего или иного архимандрита, игумена, или пресвитера и прочихъ по благодати святаго Духа; и по указу великаго государя и прочее; такожде: удавленнаго или убитаго погребати, или молитва во грѣсѣхъ рожденному дати,—все по государеву указу... *Архіерейство государь не почелъ, но и обезчестилъ тако, что невозможно и писати, безчестныя и поганыхъ царей о безчестилъ*“. Въ письмѣ къ государю Никонъ пишетъ: „всѣмъ архіерейскимъ рука твоя обладаетъ: и судомъ и достояніемъ: страшно молвить, обаче терпѣть невозможно, еже нами слышится, яко по твоему указу и владыкъ посвящаютъ и архимандритовъ и игуменовъ и поповъ поставляютъ, и въ ставленныхъ грамотахъ пишутъ равночестна и св. Духу, аще по благодати и по указу великаго государя. Недоволенъ св. Духъ посвятити безъ твоего указу; да кто больши сего, да Богъ тебѣ терпитъ, пишетъ бо: аще кто на святаго Духа хулитъ, не имать оставленія ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій;—и аще се не устрашило тя есть, да что можетъ, что уже не прощенія еси своимъ дерзновеіемъ достоинъ сотворился“. Вообще, по словамъ Никона, царь „самъ на ся чинъ святительскій и власть церковную воспріялъ, чрезъ божественныя уставы и чрезъ свою клятву, еже трегубо клялся: ово во крещеніи, ово въ царское поставленіе, ово въ Никоново патріарха поставленіе, еже не мудрствовати паче, еже подобаетъ благочестивымъ царемъ“. Въ виду этого Никонъ съ гнѣвомъ обращается къ Лигариду: „откуда ты такой гнилой законъ взялъ, еже царемъ церковная правити?.. Подобаетъ комужно своя мѣра знати, а не восхищати на сущія своя: ниже се строеніе церкви, но паче гоненіе... Покажи извѣстно, не отъ своихъ гнилыхъ произношеній, но отъ божественнаго писанія, гдѣ есть такіе законы, да царіе въ церковныхъ преданіяхъ и уставахъ исправляютъ и повелѣваютъ, яко же ты глаголеши... Аще мнить царь, яко добро творитъ владѣя и повелѣвая во священныхъ уставахъ, не чудеса, что Богъ терпитъ на большее и лютѣйшее отъмщеніе... Да гдѣ есть законъ и воля Божія, еже царемъ или вельможемъ его судити архіереевъ и прочій священныи чинъ и достояніе ихъ? Да гдѣ есть законъ таковъ и запо-

вѣдь, еже бы царемъ владѣти архіереи и прочіимъ священнымъ причтомъ“? ¹⁾).

Царь Алексѣй Михайловичъ, по мнѣнію Никона, не только „чинъ святительскій и власть церковную воспріалъ на ся“, но и захватилъ себѣ все церковное достояніе, или, по выраженію Никона, „обнищаль и ограбилъ св. церковь“. „Все царское величество чрезъ божественныя законы, вышешисанныя здѣ, олихоимствова, и не имѣетъ святая великая церковь нѣкотораго причастія въ Москвѣ, яко же прежде при прежнихъ царѣхъ и великихъ князѣхъ имѣла, но есть пуста всякаго перваго своего достоянія, яко вдова осиротѣвшеш... О себѣ не изволилъ государь (обличая Никона) праведно разсмотрѣть, колико у святѣй велицѣй церкви пресвятыя Богородицы поималъ отчинъ, людей и прочихъ всѣхъ домовыхъ потребъ: хлѣба, рыбы, денегъ, лошадей и прочихъ потребъ, вмѣсто великаго приношенія за помазаніе на царство. Такожде и отъ прочихъ святыхъ церквей и монастырей поимано елико отчинъ, и людей, и денегъ, и хлѣба, и лошадей, и кто-то можетъ исчислить; а ему, великому государю, святая великая соборная и апостольская церковь, и прочія святія церкви, и святія монастыри, ни чѣмъ повинны и никакими данми, развѣ, по завѣщанію св. апостоль, молитвою и честію... Велики возлюбилъ царь духовную свою мать-церковь Божию, только не такою любовію, яковою любовію возлюби Христосъ, иже себѣ предастъ за ню, на себе тую обручи; и елико насъ нищихъ отъ сосець своихъ питала, себѣ (царь) пищу сотвори и сущимъ съ собою. Царь сего ради возлюби церковь, яко же Давидъ Уріеву жену Вирсавію, и тѣшится харчемъ ея со всѣмъ домомъ... Царь ничтоже принесетъ Господеву и святѣй велицѣй церкви что-либо достойно, но яко сирѣ ту обезчести, и обнажитъ всѣхъ добрыхъ яко вдову всей божественной чести, ею же Богъ почте, яко же зрится отъ всѣхъ, лишена всѣхъ благихъ движимыхъ и недвижимыхъ... Все, елико собранное прежде насъ архіереи, движимыя и недвижимыя вещи въ патріархіи, безъ всякаго страха Божія въ потребности свои и сущимъ съ собою царь усвоилъ, все чрезъ божественныя законы и за-

¹⁾ Акад. рукоп. № 218. л. л. 142—143, 174, 193—194, 203 об. Зап. русск. археол. общ. т. II, стр. 546.

повѣди онасилова и поработи. Царское величество правило (приносить даръ Богу) не сохраняетъ, неточію что принорити создавшему его Богу, по нѣкоему предаію древнихъ отцовъ, но и прежде данное святѣй величѣй церкви благочестивыми, прежде бывшими цари и великими князи, все усвоилъ въ свои потребности, движимыя и недвижимыя вещи, о нихъ же писано есть выше... Самъ (царь) вся суцая ея (церкви) въ домъ свой посилова, еже чада церковная и нищии питаешся, злымъ чловѣкомъ емля, истощеваетъ: сокольникомъ и псарямъ, и прочимъ неблагодарнымъ злодѣемъ, иже угодная ему творять, яко же и при патріарсѣхъ, елико нужнѣйшихъ на церковный обиходъ и на нищихъ потребу изобилловаше малые остатки, къ нему же въ руцѣ отхождаху“. И далѣе Никонъ, въ обличеніе лихоимства царя рисуеть такую характерную бытовую картину: „уставъ положенъ, не вѣмъ по какимъ законамъ, еже празднують патріарси Успенія пресвятыя владычицы нашея Богородицы и Присно-Дѣвы Маріи, и недѣлю Ваія и преставленіе святаго Петра митрополита московскаго и всея Россіи чудотворца, и во таковыя три праздники призывается, отъ патріарха и отъ всего священнаго собора, царь и со всѣмъ синклитомъ на праздники и, по совершеніи святаго праздника, зоветъ патріархъ царя хлѣба ѣсть, и по яденіи хлѣба подносить патріархъ царю великіе дары отъ останковъ церковныхъ вещей. И царь преемлетъ тѣ дары, отсылаетъ во свою царскую казну,—въ томъ всѣ останки церковныхъ оброковъ скончаваются отъ года до года. А лѣпо было на таковыя великіе три праздники самому царю, и царицѣ, и царевичемъ, и царевнамъ, и княземъ и бояромъ, и всѣмъ вельможамъ, и всѣмъ людямъ приносить дары, по писанному: да не явишися тощъ предъ Господомъ Богомъ твоимъ... Они же, претворше сіе божественное повелѣніе на ся, вси сошедшеса въ праздникъ въ церковь Господню, ничто же приносяще даровъ Господеви, и по совершеніи святаго литургии, у патріарха напитавшеса довольно и приѣмше дары, отходятъ въ дома своя, радующеса и веселящеса, ничто же благо предъ Господемъ сотворше, или дары принесше, но сами, аки оброкъ вземше отъ божественнаго наслѣдія. Кого такови пощадятъ, Бога не щадяще и достояніе Господне, и глаголютъ: патріархъ симъ и симъ благословилъ сего и

оного. А неблагоуарніи людіе, вѣдая обычное патріарху къ празднику пристроеніе, сугубые и трегубые цѣнны емлютъ за серебряные сосуды, за соболи, и за золотые бархаты, и атласы, и за камки и прочіе потребности. И по что таковымъ въ храмъ Божій приходити,—сами не приносятъ ничтоже, но и собранное истощаютъ. И слышано есть выше сего, колико зло есть обида, а се ли не обида, ей, обида есть, и не мала святѣй велицѣй церкви. Понеже отъ боязни и страха, не можетъ сего патріархъ преложить, аки Божія устава или обѣта“. Даже всѣ лучшія личныя вещи Никона, оставленныя имъ въ Москвѣ, послѣ оставленія имъ патріаршей каедры, государь, будто бы, присвоилъ себѣ. Никонъ говорилъ посланнымъ къ нему отъ царя въ Воскресенскій монастырь: „а келейную-де ево рухлядь всю, по указу великаго государя, бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой съ товарищи перебирали, и пересматривали, и переписывали и *исъ той ево келейныя рухляди лутчее все изволилъ великій государь взять на себя, государя*“. Въ письмѣ къ самому царю Никонъ пишетъ: „повсюду своимъ насиліемъ по святымъ митрополіямъ и епископіямъ и святымъ монастыремъ, безъ всякаго совѣта и благословенія, насиліемъ вещи движимыя и недвижимыя емлеша нещадно... А отъ твоихъ началъ царства грамоты (жалованныя церкви) всѣ упразднены и церкви Божіей и святымъ монастыремъ данное въ наслѣдіе вѣчное недвижимыя вещи, слободы, села, озера, варницы соляныя, лѣса многія, постыялъ и причастника себѣ Бога не сотворилъ еси. Сего ради и Богъ остави тя и остави ти имать, аще не покаяшися и не возвратиши взятое отъ Божіихъ церквей, паки и грамоты, еже прежде тебя бывшихъ, во святыхъ церквахъ и во святыхъ монастырѣхъ не утвердиши и отъ восхищенія святыхъ вещей не удержиши... Твоя воля всему прикоснуса, еже нами слышится о хлѣбѣ, и деньгахъ, и о соли, и о вотчинахъ, дѣши безъ страха Божія, и ни чимъ же насъ лучше сотворилъ еси поселянъ, или мірскихъ воинъ. Въ латинскихъ ересяхъ написано, яко и сами ихъ архіереи на войну отпускаютъ и сами ходятъ,—и мы до тѣхъ дней дожили, что уже воюемъ, яко и мірстін челоуѣцы. Доколѣ уже насъ самѣхъ твое благородіе не пошлешь на войну? „Въ томъ же письмѣ къ царю Никонъ пишетъ, что будто бы явившійся ему святой митрополитъ

Петръ, говорилъ ему: „брате Никоне, говори царю, почто онъ святую и великую церковь преобидѣлъ, иже нами собранныя святыя недвижимыя вещи восхитилъ безстрашіемъ, и нѣсть ему на пользу се, но рцы ему, да возвратитъ паки, яко гнѣвъ Божій того ради навелъ на ся: дважды мору бывшу и колько тысящъ изомроша и запустѣша, и сущихъ нынѣ не имать предъ враги своими стати“. Даже предъ константинопольскимъ патріархомъ Никонъ счелъ возможнымъ обвинять царя въ захватѣ церковной власти и церковныхъ имуществъ: „нынѣ бываетъ, писалъ онъ патріарху, вся царскимъ хотѣніемъ: егда хоцетъ кто дьяконъ, или пресвитеръ, или игумень, или архимандритъ поставлятися. тогда пишеть челобитную царскому величеству и проситъ повелѣнія, чтобы хиротонисали его митрополить, или архіепископъ, и царскимъ повелѣніемъ на той челобитной подпишуть: по указу государя царя его поставити попомъ, или діакономъ, или инаго какого чину, кто во что поставляется. И сице хиротонисають ихъ царскимъ словомъ. И егда митрополить, или архіепископъ, или епископъ хиротонисаетъ, тогда дадутъ наставленную грамоту и пишуть: хиротонисася діакономъ или попомъ повелѣніемъ государя царя, а не по заповѣди Божіи и не по правиломъ св. апостолъ и св. отецъ. И егда повелитъ царь быти собору, тогда бываетъ; и ково велитъ избрати и поставити архіереемъ,—избирають и поставляютъ; и ково велитъ судити и обсуждати, и они судятъ и обсуждаютъ и отлучаютъ. И вся елика суть во епархіи патріаршаго имѣнія, царское величество на свои протори емлетъ, и гдѣ велитъ, даютъ безчинно. Сице и отъ митрополичихъ епархій, и отъ архіепископлихъ и епископлихъ, и честныхъ и великихъ монастырей имѣнія, по повелѣнію его, емлютъ, и людей на службу, и хлѣбъ и деньги повелѣніемъ своимъ велитъ взять и возмутъ немилостиво и дани тяжки. И сице весь родъ христіанскій утягчи данми сугубо и трегубо и вящше и нѣчто бываетъ на пользу“¹⁾.

Вообще, анализируя отношенія царя къ церкви, къ церковнымъ правиламъ и постановленіямъ, къ самому слову Божію, Никонъ считаетъ возможнымъ и справедливымъ на-

¹⁾ Акад рукоп лл 126 об 127, 137, 150, 183, 252—253, 256, 468—469. Зап. рук. арх. общ П, 526—527, 546—551, 561. Гиб. П, 512, 514.

рисовать такую картину: „Государь царь привилегіи (ранѣе данныя церкви) разори и церкви одолѣ и сотвори ю (церковь) себѣ повинитися... Царское величество и ключь у Петра и прочихъ апостоловъ и по нихъ наслѣдникъ тѣмъ, отъять, и еже свяжутъ,—и владыка Христось Богъ не разрѣшитъ на небеси, а государь царь то разрѣшаетъ на земли и на небеси. А еже аще разрѣшиши, рече, на земли, будетъ разрѣшено на небеси, а государь царь то вяжетъ на земли! И паки дуну Господь на святыхъ своя ученики и апостолы, глаголя: пріимите Духъ святъ, имъ же отпустите грѣхи, отпустятся, а имъ же держите, держатся,—государь царь, не пріемъ св. Духа благодати, оставляетъ грѣхи, и держитъ, имъ же хоцетъ, властію міра сего, а не по благодати оставляетъ грѣхи. Господу глаголющу: аще вы пребудете въ словеси моемъ, воистину ученицы мои будете,—государь царь не точію самъ пребываетъ (вѣренъ словамъ Господа), но и пребывающихъ ненавидитъ. Паки Господу глаголющу: аминь, аминь глаголю вамъ, вѣруяй въ мя, дѣла яже творю, и той творитъ и болша сихъ сотворитъ,—государь царь не точію самъ не соблюдаетъ, но и творящихъ ненавидитъ и гонитъ. Господу глаголющу: аще любите мя, заповѣди мои соблюдете,—государь царь не точію самъ не соблюдаетъ, но и соблюдающихъ не любитъ. Господу глаголющу: не любяй мя и словесъ моихъ не соблюдаетъ,—государь царь и ругающихся (словомъ Господа) лобзаетъ. Господу глаголющу: миръ вамъ оставляю, вамъ миръ мой даю вамъ,—государь царь миръ Божій не точію не пріемлетъ самъ, но приносящихъ гонитъ изъ града своего. Господу глаголющу: аще бысте меня любили, возрадовалися бысте убо,—государь царь не точію радуется, еже любити Господа, но и радующимся плакати творитъ. Господу глаголющу: си есть заповѣдь моя, да любите другъ друга, якоже азъ возлюбихъ вы,—государь царь самъ не любитъ и инемъ возбраняетъ любить другъ друга. Господу глаголющу: больше сія любви никто же имать, да кто душу свою положить за други своя, вы друзи мои есте, аще творите, елико аще заповѣдаю вамъ,—государь царь не точію благоволитъ душу свою положити за други своя, но и хотящимъ хоцетъ самъ душу отъяти, и ниже братією кого-либо именовать отъ меньшихъ подданныхъ своихъ, но и отца, иногда называя и

пиша своею рукою, простому человѣку уподобилъ за злобу свою—Никономъ зоветь и ниже патриархомъ именуеть, и яко раба подь оброки себѣ сотворилъ; и не мене—худаго раба Божія, но и Господа моего І. Христа поработилъ себѣ: все, еже Господу нашему І. Христу данное въ вѣчное наслѣдіе святѣй церкви его, себѣ усвоилъ и людемъ своимъ, о немъ судъ имѣеть отъ Самаго Господа Бога, по дѣломъ руку своею примуть. Аще возмнѣтъ кому жестоко слово сіе, мы не отречемся показати отъ писанія на иномъ мѣстѣ“.

Такое отрицательное отношеніе царя къ церкви, къ заповѣдямъ Божиимъ и ко всѣмъ вообще законамъ и правиламъ церковнымъ Никономъ объясняетъ слѣдующимъ: „всѣмъ всюду вѣдомо, яко царь не любитъ Господа, понеже не хранитъ заповѣди его, ниже есть ученикъ Христовъ, *понеже не любитъ насъ*, Господу свидѣтельствующу: не любяи мя, словесъ моихъ не соблюдаетъ... Не вѣмъ, что либо царское величество дѣлаеть отъ евангельскихъ заповѣдей, но своя человѣческія всюду предпочель паче Христовыхъ; а еже бы самому государю хранити святыя Божія заповѣди,—не вѣмъ... И аще бы государь царь *любилъ Бога, любилъ убо мене*. . А то правда, что *царское величество* расширился надъ церковію чрезъ вся божественныя законы своимъ достоинствомъ, а не закономъ коимъ либо Божиимъ, и не до сего точію ста, но и *на самаго Бога возгордѣ широтою орла*... *Не на меня единого вознесеса (царь), но и на самаго Бога и законъ*“. Въ виду этого Никономъ въ своемъ письмѣ къ царю грозитъ ему: „на тя отъ всѣхъ родовъ имуть собраться: первіе, св. Духъ, яко обезчестилъ еси и недовольна ту силу и благодать сотворилъ еси безъ твоего указу; второе, святіи апостоли, иже имуть сѣсти на обою надесяти престолѣхъ, еже чрезъ правила ихъ дерзаеши повелѣніемъ своимъ; къ тому же лики святыхъ седми вселенскихъ соборовъ и прочихъ св. отецъ, еже исправили и утвердили не преступати, со страшнымъ запрещеніемъ, еже аще кто убавитъ или прибавитъ и прочее; тако же и благочестивыя царіе и великія князи, иже оставили и укрѣпили православныя преданныя законы, еже имуть святыя церкви на вспоможеніе ко святыхъ апостолъ и св. отецъ правиломъ, еже твоя повелѣнія разори и ни во чтожъ вмѣни“.

Отъ неправдъ и насилій царя не только „*мати его* святая великая соборная церковь, которая породила его водою и

Духомъ и хризмою на царство помаза, обидима плачетъ, яко сирота послѣдняя и яко вдова обругана“, но страдаетъ и весь православный русскій народъ. „Государь царь за едино слово, аще кто о правдѣ молвить, языки рѣжетъ, и руки и ноги отсѣкаетъ, въ заточеніе невозвратное посылаетъ, забывъ смертный часъ, аки безсмертенъ и не чая будущаго суда Божія“. Въ грамотѣ константинопольскому патріарху Никонъ пишетъ: „и весь родъ христіанскій утягчи (царь) данми сугубо и трегубо и вящше и ничто бываетъ въ пользу“. Въ письмѣ къ самому царю Никонъ пишетъ: „ты всѣмъ проповѣдуешь постити, а нынѣ и невѣдомо кто не постится; скудости ради хлѣбныя во многихъ мѣстахъ и до смерти постятся и ѣсть нечево: и нѣсть, кто бы помилованъ былъ, но отъ начала царствія твоего вси купно отписаны давидскимъ беззаконнымъ отписаніемъ: нищіе и маломощныя, слѣпцы, хромыя, вдовицы и черницы, и вси данми обложены тяжкими и неудобъ искусными,—вездѣ плачь и сокрушеніе, вездѣ стенаніе и воздыханіе, и нѣсть никого веселящася во днехъ сихъ“¹⁾.

Послѣ царя съ особою силою и ожесточеніемъ Никонъ нападаетъ на Уложеніе и его главнаго составителя боярина Одоевскаго. Царь и патріархъ Іосифъ, заявляетъ Никонъ, приказывая боярину Одоевскому составить Уложеніе, не имѣли въ виду „новыя законы вводить“, а „онъ, князь Никита, человекъ прегордый, страху Божія въ сердцахъ не имѣетъ и божественнаго писанія и правилъ св. апостолъ и св. отецъ ниже читаетъ, ниже разумѣетъ, и жити въ нихъ не хочетъ и живущихъ въ нихъ ненавидитъ, яко враговъ сущихъ, самъ быхъ врагъ всякой истинѣ. А товарищи его люди простые и божественнаго писанія невѣдущи, а діаки вѣдомыя враги Божія и дневныя разбойники, безъ всякія боязни въ день людей Божіихъ губять“. Если таковы составители, то таковы, понятно, и составленные ими законы. Одоевскій заявляетъ, что онъ составилъ Уложеніе „выписавъ изъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ, и изъ градскихъ законовъ греческихъ царей, и изъ старыхъ судебниковъ прежнихъ великихъ государей“, и то онъ, заявляетъ Никонъ,

¹⁾ Рукопись Вьялева, л.л. 180—181, 136, 212, 415. Зап. рус археол. общ. II, 460, 473, 547, 550

„солгалъ: изъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ и благочестивыхъ царей градскихъ законовъ ничего не выписывалъ, якожь и сама та Уложенная беззаконная книга свидѣтельствуеть беззаконіе ихъ. О самомъ Уложеніи Никонъ не стѣняясь выражается: „како же ты, писателю неправедный (т. е. Одоевскій) не убоялся Господа Бога свята обезчестити, глаголя: судъ царя и великаго князя и прочее беззаконіе; кто еси ты чрезъ божественныя законы и св. апостолъ и св. отецъ правила смѣлъ дерзнути *новыя бѣсовскія законы написати, яко новый Лютеръ?*“ „Разсмотри, богоборче и истиноборче, повсюду писанія свидѣтельства писаное, а не безъ свидѣтельства, яко же ты самоумне написалъ Уложенную книгу безъ всякаго свидѣтельства“. „Тебе же кто ублажить или избавить суда Божія, весь евангельскій законъ и заповѣди раззорившаго, но горе тебѣ, второе распинающему Христа, уне бы тебѣ не родитися, Богу свидѣтельствующу: отраднѣ быти Содому и Гомору и пр.“ „Ты, князь Никита, новый законъ написалъ, *советомъ антихриста—учителя своего*, статья 84: а будетъ которому архимандриту, или игумену и прочимъ, за чье безчестье платить будетъ нечѣмъ, и на нихъ тѣмъ людямъ править безчестье нещадно до тѣхъ мѣстъ, какъ они съ истцы учинятъ сдѣлку, или какъ въ томъ съ истцомъ своимъ добьютъ челомъ: не суть-ли дьявольскій се законъ? Ей самага антихриста, дабы никто не смѣлъ тяжести ради Уложенья никому о правдѣ слова Божія проповѣдати, по писанному: не обличай безумныхъ, да не возненавидитъ тя и пр.“ „Ты, и послѣдующіе твоему проклятому законоположенію, смертію умерли“. Самая мысль, что законы, касающіеся духовенства, пишутся мірскимъ лицомъ, возбуждаетъ въ Никонѣ негодование: „ты (Одоевскій) нѣси архіерей, ни іерей, почто на церковь неистовствуеши, судомъ властію прелюбы твориши? что убо себе твориши пастыря, овца сущи? что бываеши глава, нога сый? слѣпъ сый, почто руководствовати нудишися? грѣшенъ сый, почто оправдати мнишися? гнушая идолъ,—святая крадеши? иже въ законѣ хвалишися, преступленіемъ закона Бога безчествуеши, имя Божіе вами хулится“ ¹⁾.

Если въ Уложеніи были написаны „новые бѣсовскіе за-

¹⁾ Рукоп Вѣляева, л.л. 280, 281, 344, 351, 354, 361.

коны“ „совѣтомъ антихриста“, учителя составителя законовъ, то слѣдовать имъ и подчиняться имъ, признавать, на основаніи ихъ, мірской-царскій судъ надъ духовенствомъ, въ лицѣ Монастырскаго приказа, очевидно, никакъ не слѣдуетъ. Указывая на примѣры святыхъ, особенно Златоуста, потерпѣвшихъ отъ несправедливостей царской власти, Никонъ пишетъ, обращаясь къ Лигариду: „видилъ-ли еси, со вопросниче, мужество святыхъ и приснопамятныхъ великихъ отецъ нашихъ, како не точію сами подъ судъ царей не приходили, но и царей беззаконныя суды исправляли и обличали, аще и множицею муками и смертію претили, но невозмогша тѣмъ устрашити: изволиша правды ради умрети, нежели беззаконенъ судъ пріяти“. Никонъ идетъ и далѣе: онъ рѣшительно приглашаетъ всѣхъ духовныхъ лицъ, буде ихъ позовутъ въ мірской судъ, не только не слушать судей, но открыто „поплевать и проклясть велѣнія ихъ и законы“. Написано въ 10 главѣ, въ 106 статьѣ, пишетъ Никонъ: „а будетъ кто-нибудь пришедъ въ который приказъ къ суду, или для иного какого дѣла, судью обезчеститъ непригожимъ словомъ, о сыщется про то допряма, и того за государеву пеню бити кнутомъ, а судья велѣтъ на немъ доправить безчестье. И въ 142 статьѣ, въ 10—же главѣ: будетъ кто наказную или приставную память, или государевы грамоты отыметъ и издеретъ, и тѣмъ онъ приказныхъ людей, отъ которыхъ тотъ приставъ посланъ будетъ, обезчеститъ, а сыщется про то допряма, и такова непослушника— за государеву грамоту бити кнутомъ и посадити въ тюрьму на три мѣсяца. И аще бы принужденъ былъ кто священнаго чину: патріархъ, или митрополитъ, или архіепископъ, или епископъ, или архимандритъ, или игуменъ, или священникъ, или діаконъ, даже до послѣднихъ причетникъ, по твоимъ беззаконнымъ законамъ въ судищи не точію послушаль бы, но и поплевалъ, и про судью беззаконнаго и законъ, яко же отроцы повелѣнію цареву не точію понудшася, но и оплеваху, такожде и прочіи святіи мученицы и исповѣдницы, о нихже слышимъ въ повсемѣстномъ воспоминаніи въ книгѣ Прологъ, како храбски потщася, влекомы на судища, не точію повинущася, но и оплевахъ и прокляша беззаконіе ихъ,—*такъ и нынѣ, аще кто* за святыи евангельскіи законъ и за заповѣди Христовы и св. апо-

столь и св. отецъ каноны станетъ и мужески подвигнется, якоже и первіи подвижницы, не точію судіи послушаетъ, но и оплюетъ и проклянетъ вельніе его и законъ, такожде и у пристава наказную и приставную память аще кто отъиметъ и издеретъ и поплюетъ и потопчетъ, не погрѣшитъ таковой спасенія, яко же и первомученицы“ ¹⁾.

Никонъ не ограничился однако тѣмъ, что возводилъ тяжкія обвиненія на царя, всю вообще государственную власть, на тогдашнее государственное законодательство и государственныя учрежденія, отрицалъ ихъ какъ проявленіе беззаконія и нечестія, но, что особенно характерно для Никона, онъ, послѣ оставленія имъ патріаршей каѳедры, отрицательно отнесся и ко всей русской церковной іерархіи и даже всей вообще тогдашней русской церкви. „Нынѣ, пишетъ онъ, Богъ терпитъ такому беззаконію царя, что чрезъ божественныя уставы избираетъ (въ архіереи и другія важныя церковныя должности), его же любитъ, и ставити повелѣваетъ,—*все ти не избрани отъ Бога и недостойны*; за всѣхъ же отвѣтъ имать дати государь царь предъ Господомъ Богомъ: како можетъ что дати, его же самъ не имѣетъ?“ По поводу назначенія крутицкаго митрополита Питирима завѣдующимъ патріаршею каѳедрою, что впрочемъ сдѣлано было съ согласія и одобренія самого Никона, онъ заявляетъ: царь безъ собора назначилъ Питирима завѣдывать патріаршею каѳедрою, а правила вселенскихъ соборовъ прямо говорятъ, что архіерей, получившій власть отъ князя т. е. отъ мірской власти—извергается; а по правиламъ св. апостоль „со отлученными и отверженными моляйся и той отлученъ и отверженъ да будетъ“. Отсюда Никонъ дѣлаетъ такой выводъ: „все отъ него (Питирима) поставленіи пресвитеры и діакони и прочіи причетники чужды священія. И елицы отъ тѣхъ крещени, ниже христіане нарицати тоже лѣто есть. Такожде и все, елицы ему приобщашася: митрополиты, архіепископы, епископы и прочіи священнаго чина, и мірскіи люди, кто-нибудь, по святымъ правиломъ извержени и отлучени“. Указывая на правила соборовъ, Никонъ пишетъ: „мірскаго суда у царя просяй—не епископъ. Такожде и прочіи священнаго чина, оставивше церковныя суды, къ

¹⁾ Рукоп Бѣляева, л. л. 254, 353

мірскимъ судіямъ прибѣгнуть, аще и оправдани будутъ—извергнутся. И елицы нынѣ митрополиты, архіепископы и епископы, архимандриты, игумены, священницы и діаконы, и прочіи причетницы церковній, чрезъ божественныя правила подъ судъ царскій и прочихъ мірскихъ людей ходятъ: митрополиты уже нѣсть къ тому достойни именоватися митрополитами, такожъ и архіепископы, даже и до послѣднихъ, аще и въ чину себе сочетаваютъ и священныхъ одеждъ лѣпотами (украшенными) являютя, яко митрополиты и архіепископы и прочіи,—по святымъ божественнымъ канонамъ извержены суть; тѣмъ же: и елика свящаютъ—не освящени суть, елико благословляютъ—не благословени суть, ибо отъ тѣхъ крещени—не крещени, и поставлени—не причетницы... *И такова ради беззаконя все упразднилося святительство и священство и христіанство—отъ мала и до велика*“. Въ другой разъ Никонъ замѣчаетъ, что если требованія церковныхъ правилъ и законовъ приложить къ тогдашнимъ духовнымъ, „мяю, говоритъ онъ, яко не одинъ архіерей, или пресвитеръ, останется достоинъ, яко же мы вѣмы“. Не только архіереи и все духовенство на Руси, по мнѣнію Никона, послѣ оставленія имъ патріаршества, стало болѣе чѣмъ сомнительно, но и самыя храмы Божіи теперь уже не настоящіе храмы. Онъ пишетъ: „како же храмъ Господень, иже подъ властію царя и сушихъ подъ нимъ, и еже хотятъ—дѣлаютъ и повелѣваютъ? То уже не Божій храмъ таковой, но онѣхъ домъ, иже власть имѣютъ надъ нимъ. Аще бы былъ храмъ Господень, никто же бы, за страхъ Божій, владѣлъ или ималъ что отъ сушихъ его“. По заявленію Никона, въ февралѣ 1663 года, посланнымъ къ нему отъ государя въ Воскресенскій монастырь, „въ соборной церкви нынѣ нѣсть пѣнія (т. е. въ Успенскомъ московскомъ соборѣ нѣтъ настоящаго богослуженія) и соборная церковь нынѣ учинена вертепъ или пещера, потому нынѣ-де вдовствуетъ, а будетъ и патріархъ новой будетъ, и она будетъ прелюбодѣвица“, такъ какъ онъ оставилъ патріаршій престоль ради неправдъ и гоненій государя. Самыя церковныя соборы, какіе не разъ были собираемы у насъ послѣ удаленія Никона съ патріаршей каедры для устройства текущихъ дѣлъ и, особенно, по дѣлу самого Никона, онъ называетъ, какъ собираемыя царемъ, на что послѣдній не имѣетъ никакого права, или

сонмищемъ іудейскимъ, или сонмищемъ бѣсовскимъ. Никонъ даже заподозрилъ оставленную имъ русскую церковь въ соединеніи съ латинствомъ. Въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху Діонисію онъ говоритъ, что на Москвѣ царемъ созванъ соборъ, на которомъ, по приказу государя, предсѣдательствоваль латынникъ—газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, поставившій крутицкаго митрополита въ новгородскіе, чудовскаго архимандрита въ митрополиты и епископовъ въ инья епархіи. „И отъ сего беззаконнаго собора, пишетъ Никонъ Діонисію, преста на Руси соединеніе святыхъ восточныхъ церкви, и отъ благословенія вашего отлучишася“ ¹⁾.

На вопросъ: что же теперь стало съ православнымъ благочестивымъ московскимъ царствомъ? Никонъ, подобно первымъ защитникамъ старообрядчества, довольно рѣшительно заявляетъ, что, судя по всему, на Руси наступаютъ времена антихриста. „Ивѣ есть нынѣ всякому, пишетъ онъ, точно умъ имущему разумѣти, яко время то (пришествія антихриста) есть, по дѣянію нынѣшнему; что беззаконнѣе, еже царю архіереевъ судити? Не Богомъ данную власть взялъ на ся царь“. „Нынѣ многи антихристы есть—Крутицкій митрополитъ и прочіи подобни ему... духъ лестчь—газскій митрополитъ и иные подобни ему“. Никонъ при этомъ замѣчаетъ, что власть антихриста, по слову Іоанна Богослова, будетъ не чувственная и видимая, она проявляется въ томъ, „что чрезъ божественныя заповѣди мірскія власти начнутъ владѣти церковнымъ... (антихристъ) повелитъ себѣ кланятися нечувственно, но якоже нынѣ архіереи, оставя свое достояніе священническое и честь, кланяются царемъ и княземъ, аки преобладающимъ, и о всемъ тѣхъ спрашиваются и чести ищутъ и сподобляются, по писанному: оставя прямой путь, ходятъ во стезяхъ погибели“. И въ письмѣ къ Зюзину Никонъ заявляетъ, что по всѣмъ признакамъ теперь наступаютъ времена антихриста, „что нынѣ антихристи мнози быша, и отъ сего разумѣемъ, яко послѣдній часъ есть“ ²⁾.

Такимъ образомъ, патріархъ Никонъ рѣшительно и смѣло

¹⁾ Акад. рукоп. № 218, л.л. 164 об., 335, 421, 427, 451. Зап. рус. археол. общ. II, 526, 559.

²⁾ Рукоп. Бѣляева, л. 170. Гиб. II, 600.

заявилъ, что священство выше царства на столько, „елико земли небо“, что свѣтская власть не имѣетъ никакихъ верховныхъ правъ надъ лицами духовными, не можетъ судить ихъ и управлять ими, такъ какъ церковь есть вполне самостоятельное и независимое отъ государства учрежденіе, которое имѣетъ свои собственные божественнаго происхожденія законы и постановленія, свои собственные органы для управленія и суда, и что всякое вмѣшательство въ церковную жизнь со стороны мірской—государственной власти, всякая ея попытка подчинить себѣ церковь, есть незаконное и прямо преступное посягательство, гибельное и для самаго государства, почему противъ такихъ посягательствъ всячески и рѣшительно должны бороться все архипастыри церкви,—эти стражи и охранители правъ церкви. Этого мало. Церковь во всехъ отношеніяхъ не только должна быть безусловно независима отъ всякаго вмѣшательства въ ея дѣла государства, но ея высшій представитель—патріархъ имѣетъ неотъемлемое право и обязанность контролировать всю государственную и общественную жизнь, чтобы она строилась и шла согласно съ божественными, вѣчными и неизмѣнными законами и правилами церкви, что всякое нарушеніе ихъ, всякое уклоненіе отъ нихъ должно встрѣчать со стороны патріарха обличенія, не стѣсняясь тѣмъ обстоятельствомъ, если эти обличенія будутъ направлены и на личность самаго царя. Такъ поступать патріархъ долженъ не только въ интересахъ церкви, но и въ интересахъ самого царя и управляемаго имъ государства, такъ какъ отъ пренебреженія царями божественныхъ церковныхъ законовъ происходятъ въ государствахъ всякія смуты и бѣды и, въ концѣ, самыя царства падаютъ окончательно. Никонъ, слѣдовательно, явился рѣшительнымъ и горячимъ борцомъ за самостоятельность церкви, за ея независимость отъ притязаній свѣтской власти, обличителемъ злоупотребленій послѣдней, насколько она насильственно врывалась въ церковную жизнь и стремилась во всемъ подчинить ее себѣ, поскольку она въ своемъ строѣ и всемъ характерѣ своей жизни являлась нарушительницею божественныхъ законовъ и велѣній. Такимъ, по крайней мѣрѣ, Никонъ представлялся самому себѣ и усиленно желалъ, чтобы и другіе такъ смотрѣли на него, т. е. какъ на борника самостоятельности церкви противъ незаконныхъ

притязаній свѣтской власти, какъ на страдальца, терпящаго гоненія, всякія неправды и преслѣдованія отъ свѣтской власти именно за его стойкость въ огражденіи попираемыхъ свѣтскою властію правъ церкви.

Возможно, что воззрѣнія Никона на церковь, какъ на самостоятельное, независимое отъ царства учрежденіе, имѣющее право на жизнь по своимъ собственнымъ законамъ, которыми оно никакъ не должно поступаться предъ свѣтскою государственною властію, еще могли бы имѣть нѣкоторое значеніе, если бы онѣ изложены были спокойно, безпристрастно и притомъ съ очень значительными ограниченіями въ виду тѣхъ историческихъ, вѣками сложившихся отношеній церкви къ государству, какія нельзя не принимать во вниманіе при рѣшеніи затронутыхъ Никономъ вопросовъ. Но именно въ томъ видѣ, какъ эти воззрѣнія были изложены Никономъ, онѣ не могли имѣть особенно важнаго и серьезнаго значенія: не Никону, человѣку увлеченій и крайностей, плохо знавшему и ни въ чемъ не соблюдавшему мѣру, человѣку съ болѣзненно развитымъ самолюбіемъ, вездѣ и всюду ставившимъ на первомъ планѣ свое личное я и съ точки зрѣнія личнаго положенія и личныхъ интересовъ смотрѣвшаго на всѣ происходившія вокругъ его событія,—было братья за рѣшеніе такого сложнаго и щекотливаго вопроса, какъ вопросъ объ отношеніяхъ между церковію и государствомъ. Будь церковь при Никонѣ дѣйствительно низведена на степень зауряднаго государственнаго учрежденія, во всемъ зависящаго отъ свѣтскихъ властей, предъ которыми духовныя власти ничего не значать, и тогда бы протестъ Никона не поправилъ дѣла.

Никонъ, какъ мы видѣли, настаивалъ не только на томъ, что церковь независима отъ государства, что духовная власть не подчинена свѣтской, но что священство выше царства: священство—это душа, царство—тѣло. Какъ душа есть высшее въ жизни человѣка начало, руководящее и регулирующее жизнь тѣла, такъ духовная власть, какъ высшее начало, должна руководить свѣтскою властію, которая, какъ низшая, обязана слушаться и подчиняться власти духовной, во всемъ сообразоваться съ ея требованіями и указаніями, такъ какъ законы и правила церкви, по самому своему происхожденію и всему характеру, святы, непогрѣшимы, неизмѣняемы и

потому они должны быть всегда неизблемою уряжающею основою не только для церкви, но и для государства. Поэтому Никонъ считалъ себя вправѣ „о проклятой книгѣ (т. е. Уложеніи) многожды глаголатъ царскому величеству, чтобъ искоренить ее“, считалъ себя въ правѣ публично и смѣло обличать и укорять царя за его вмѣшательство въ дѣла церковныя, указывать ему на тѣ гибельныя для него и государства послѣдствія, которыя могутъ отсюда произойти и уже происходятъ.

Никонъ завѣряетъ, что духовная власть на Руси крайне принижена свѣтскою, которая владѣетъ и распоряжается всѣмъ духовнымъ и что церковь поработена была именно царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, который, вопреки всѣмъ церковнымъ правиламъ и постановленіямъ, присвоилъ себѣ право церковнаго управленія и суда, право владѣть и обогащаться церковными имуществами, такъ что вся тяжкая вина, вся тяжкая отвѣтственность за угнетенное, приниженное положеніе церкви на Руси падаетъ, по его увѣреніямъ, исключительно на царя Алексѣя Михайловича. Но если бы Никонъ и дѣйствительно былъ правъ, когда заявлялъ, что церковь находится на Руси въ положеніи обобранной и всѣми притѣсняемой беззащитной вдовицы, то и въ такомъ случаѣ съ его стороны было несправедливо всю отвѣтственность за это возлагать только на царя Алексѣя Михайловича. Такія отношенія свѣтской власти къ духовной, пусть онѣ дѣйствительно существовали, сложились, какъ мы видѣли, не вдругъ, но мало по-малу въ теченіи вѣковъ и, какъ сложившіяся исторически, всѣми признавались доселѣ вполне правильными и нормальными. Завѣренія Никона, что именно только царь Алексѣй Михайловичъ всячески преобидѣлъ святую церковь, что только онъ началъ, подъ конецъ патріаршества Никона, насильственно вмѣшиваться въ церковныя дѣла и управлять ими, какъ верховный архіерей, и что онъ дѣлалъ все это изъ присущей ему гордости, потому что онъ „и на самого Бога возгордѣ широтою орла“,—настолько были мало согласны съ личнымъ характеромъ благочестивѣйшаго изъ государей Алексѣя Михайловича и съ указанною нами историческою дѣйствительностію, что это невольно чувствовалъ самъ Никонъ. Онъ, вопреки правдѣ, принужденъ былъ увѣрять всѣхъ въ томъ,

что царь Алексѣй Михайловичъ въ дѣйствительности будто бы вовсе не былъ благочестивъ, что онъ—будто бы не любилъ Бога, не хранитъ Его заповѣдей, не есть ученикъ Христовъ и что въ немъ вообще мало христіанства. Понятно само собою, что такими обвиненіями, взводимыми на благочестивѣйшаго царя, Никонъ не только не помогаль защищаемому имъ дѣлу, но и прямо вредилъ ему: слишкомъ уже ясно въ его обвиненіяхъ проглядывало нежеланіе по-смотреть на дѣло спокойно, безпристрастно, правдиво, безотносительно къ своему личному положенію и интересамъ. Къ тому же, и самый протестъ Никона явился у него только послѣ удаленія съ кафедръ и послѣ того, какъ онъ окончательно убѣдился, что свѣтская власть вовсе не думаетъ снова возвращать его на оставленный имъ патріаршій престолъ. Въ виду этого протестъ Никона, какъ человѣка, руководившагося, въ этомъ случаѣ, личными побужденіями и интересами, не могъ имѣть той силы и того значенія, какое онъ имѣлъ бы, если бы былъ написанъ болѣе спокойно, обдуманно и безпристрастно, и если бы онъ исходилъ при этомъ отъ человѣка, практически вовсе не заинтересованнаго въ такомъ или иномъ рѣшеніи возбужденнаго вопроса и потому ратующаго не за себя лично, не за свое личное положеніе и интересы, но за интересы церкви, за права и интересы всего государства вообще.

Нельзя не признать и того, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ протестъ Никона принималъ иногда характеръ открытаго возмущенія противъ существующихъ и всѣми признаваемыхъ государственныхъ законовъ и учрежденій. Законы Уложенія были признаваемы обязательными для всѣхъ лицъ и учрежденій государства не только свѣтскою властію, но и духовною, такъ какъ подъ ними подписались: патріархъ Іосифъ, архіереи и разныя духовныя лица, между которыми была, что особенно характерно, и подпись самого Никона, тогда еще архимандрита. Изданные въ Уложеніи законы имѣли силу и обязательность при патріархѣ Іосифѣ, во время патріаршества Никона, не были отмѣнены и послѣ его удаленія съ патріаршей кафедры. А между тѣмъ Никонъ, оставивъ патріаршій престолъ и раздраженный тѣмъ, что царь не приглашаетъ его снова стать патріархомъ, открыто и вслухъ всѣхъ сталъ называть Уложеніе „проклятою кни-

гою“, законы Уложенія „бѣсовскими, составленными по совѣту антихриста“, стали приглашать всѣхъ духовныхъ лицъ не подчиняться законамъ Уложенія и не повиноваться имъ. Но этого мало. Никонъ совѣтуетъ всѣмъ духовнымъ, когда ихъ, согласно Уложенію, позовутъ на судъ мірскіе судьи, не слушать ихъ, но поплевать и проклясть велѣніе ихъ и законъ, а наказную и приставную память отнять у пристава, издрать ее, поплевать и потоптать. Это былъ, очевидно, открытый призывъ къ неповиновенію существующимъ государственнымъ законамъ и учрежденіямъ, призывъ, исходившій притомъ отъ человѣка, который еще законно носилъ титулъ московскаго патріарха, и постоянно ссылался на слова Спасителя: „слушайъ вась, Мене слушаетъ...“

Наконецъ Никонъ не удержался не только отъ крайне недержанныхъ и рѣзкихъ нападокъ на свѣтскую государственную власть, но онъ сталъ открыто порицать и самую русскую церковь, которая, послѣ оставленія имъ патріаршества, въ лицѣ высшей своей іерархіи, лишилась будто бы настоящаго законнаго епископства, а вмѣстѣ и священства, и потому въ концѣ потеряла свой строго православный характеръ и даже, ради Паисія Лигарида соединилась съ латинствомъ, такъ что на Руси уже наступили, будто бы, времена антихриста. Дальше этого Никону идти было уже некуда.

Изъ сказаннаго мною понятнымъ становится, почему Никонъ, разъ оставивъ патріаршую кафедру, уже никогда не могъ болѣе возвратиться на нее, не смотря на хлопоты объ этомъ русскихъ друзей Никона, въ родѣ Зюзина, не смотря на усилія нѣкоторыхъ преданныхъ ему грековъ и даже на совѣты царю въ этомъ смыслѣ со стороны іерусалимскаго патріарха Нектарія.—Напрасно думаютъ нежеланіе царя возстановить Никона на патріаршей кафедрѣ объяснить только происками и интригами враговъ Никона, ненавистію къ нему бояръ и вообще лицъ, чѣмъ-либо имъ оскорбленныхъ—въ дѣйствительности причина паденія и окончательнаго осужденія Никона лежала глубже: она заключалась въ тѣхъ воззрѣніяхъ Никона на относительное достоинство священства и царства, какія онъ такъ откровенно—рѣзко высказалъ послѣ удаленія съ патріаршей кафедры. Конечное осужденіе Никона сдѣлалось прямо государственной необходимостью, этого

требовали интересы верховной государственной власти, безотносительно къ церковной реформаторской дѣятельности Никона, къ тѣмъ симпатіямъ и антипатіямъ, какія питали къ нему тѣ или другія лица. Если ранѣ въ необыкновенно высокомъ и властномъ положеніи Никона патріарха не только относительно дѣлъ церковныхъ, но и гражданскихъ, могли видѣть явленіе чисто временное и случайное, зависящее единственно отъ особаго расположенія государя къ патріарху, причемъ положеніе Никона приравнивалось къ положенію обычнаго и зауряднаго временщика; то послѣ появленія его отвѣтовъ на сочиненіе Паисія Лигарида, дѣло получало совсѣмъ иной видъ. Никонъ употребилъ въ своихъ отвѣтахъ всѣ усилія доказать, что то необыкновенно высокое и независимое положеніе, какое онъ, будучи патріархомъ, занималъ относительно свѣтской власти, вовсе не было случайнымъ, зависящимъ отъ такого или иного расположенія къ нему царя; но что оно принадлежало ему, какъ главѣ церкви, по праву, такъ какъ священство, по самому своему существу, по самой своей природѣ, выше царства и притомъ выше настолько, насколько небо выше земли, что всякая попытка со стороны свѣтской власти подчинить себѣ духовную власть и поставить ее въ зависимость отъ себя, есть явленіе незаконное и даже преступное, за которое свѣтская власть должна подвергнуться тяжелой отвѣтственности. Такимъ образомъ, съ возвращеніемъ или невозвращеніемъ Никона на патріаршій престолъ тѣсно связанъ былъ принципиальный вопросъ объ отношеніи царской власти къ патріаршей. Возстановить Никона на патріаршемъ престолѣ, значило признать въ извѣстной мѣрѣ справедливость и законность высказанныхъ имъ притязаній, значило бы, рядомъ съ однимъ великимъ государемъ, признать законность существованія и другого великаго государя—духовнаго, причемъ духовный великій государь, пользуясь полной самостоятельностью и независимостью въ церковной сферѣ, во имя сохраненія божественныхъ заповѣдей, церковныхъ правилъ и постановленій, во имя служенія высшей божественной правдѣ, заявилъ бы притязаніе контролировать всѣ дѣйствія и распоряженія свѣтскаго великаго государя и, при случаѣ, налагать на нихъ свое veto, если бы нашелъ въ нихъ, что-нибудь несогласное съ существую-

щими церковными правилами и постановленіями и съ градскими законами благочестивыхъ греческихъ царей. Понятно само собою, что государь, не отказавшись отъ прерогативъ своей власти, никакъ не могъ признать правильнымъ взглядъ Никона на отношеніе свѣтской власти къ духовной, а слѣдовательно, никакъ не могъ согласиться и на возстановленіе Никона на патріаршій престолъ. Значить, Никонъ неминуемо долженъ былъ подвергнуться конечному осужденію и низверженію потому главнымъ образомъ, что въ его лицѣ осуждались, какъ незаконныя и очень вредныя, тѣ притязанія духовной власти на особое, исключительное положеніе въ государствѣ, за которыя такъ горячо и настойчиво ратовалъ Никонъ послѣ оставленія имъ патріаршей каѳедры, — личныя же отношенія и счеты имѣли во всемъ этомъ дѣлѣ только побочное, а не рѣшающее значеніе.

Н. Кантревъ.
